

Александр Грин

Тюремная старина

Александр Степанович Грин

Тюремная старина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8055467

Аннотация

«После того как я вернулся с Урала, прошли осень и зима. Я опять не мог никуда устроиться, жил кое-где на деньги отца в тесной, дешевой комнате и плохо соображал о том, как же мне быть. Один раз я заработал несколько рублей, взяв подряд сделать для Народного дома к рождеству гирлянды из еловых ветвей. Я работал со своим школьным приятелем Назарьевым, человеком тоже „без определенных занятий“. Дня в два мы сделали свое дело и получили десять рублей, считая себя некоторое время богачами. Иногда удавалось переписать роли для театра или больничную смету, но в общем на свои заработки прожить я не мог. Как началась весна, лед реки Вятки пошел, я отправился в контору судовладельца Булычева и записался матросом на баржу, с жалованьем десять рублей на своих харчах, причем условие было такое: восемь рублей ежемесячно, а два рубля удерживались до конца навигации и не выдавались, если матрос уходил раньше отправки баржи на зиму в затон...»

Александр Грин

Тюремная старина

После того как я вернулся с Урала, прошли осень и зима. Я опять не мог никуда устроиться, жил кое-где на деньги отца в тесной, дешевой комнате и плохо соображал о том, как же мне быть.

Один раз я заработал несколько рублей, взяв подряд сделать для Народного дома к рождеству гирлянды из еловых ветвей. Я работал со своим школьным приятелем Назарьевым, человеком тоже «без определенных занятий». Дня в два мы сделали свое дело и получили десять рублей, считая себя некоторое время богачами. Иногда удавалось переписать роли для театра или больничную смету, но в общем на свои заработки прожить я не мог. Как началась весна, лед реки Вятки пошел, я отправился в контору судовладельца Булычева и записался матросом на баржу, с жалованьем десять рублей на своих харчах, причем условие было такое: восемь рублей ежемесячно, а два рубля удерживались до конца навигации и не выдавались, если матрос уходил раньше отправки баржи на зиму в затон.

Я сдал паспорт, получил два рубля задатку и через несколько дней попал на этой барже, груженной овсом, в Нижний Новгород, где шли приготовления к ярмарке. Там нас всех четверых и водолива тоже заставили работать

на берегу, таскать так называемый «подтоварник», т. е. толстые жерди. Они укладываются на земле рядами, а на них кладется товар – мешки, тюки, прикрываемые брезентом.

Мы, человек тридцать с разных барж, жили в деревянной казарме, спали на полу и питались единственно черным хлебом и супом из картофеля с луком. Между тем рыжий, злой приказчик будил нас в четыре часа утра, а ради пущей лютости этого безобразия посылал будить нас своего сына, мальчишку лет двенадцати, который нагло издевался, когда рабочие поднимались в такую рань очень неохотно. Мы же не смели его бранить, боясь отца этого зловредного мальчишка.

Я не стерпел и устроил, при общем одобрении, следующее.

К нам, на второй этаж казармы, вела деревянная лестница, люк которой был огорожен вверху деревянными перилами. Я встал рано, поставил на перила чайник с горячей водой (куб затапливался в три часа ночи), а от чайника провел нитку вниз, к протянутой горизонтально над ступенями другой нитке. Расчет оказался точен: как только стал подниматься по лестнице рыжий сын рыжего отца, чайник перевернулся, и кипяток хлестнул на голову нашего угнетателя.

Никто не спал в эту минуту. Все слушали, как кричит идиот, возомнивший, что он может командовать взрослыми и усталыми людьми.

Почти немедленно все сели пить чай в глубоком мол-

чании, предшествующем скандалу. Тотчас же ворвался рыжий отец рыжего сына. На его крик: «Кто подстроил эту штуку?» – к чести остальных рабочих надо сказать, что все умолкли, лишь я один сказал: «Это я!» Рыжий отец рыжего сына вился вокруг меня с кулаками и матерной бранью, грозил участком, Сибирью, исходил потом и слюной, но тронуть меня не посмел. Я сказал: «Если ты меня тронешь, не быть тебе живому».

Гроза прошла. Меня, конечно, рассчитали, и на пустой барже, буксируемой пароходом, я вернулся в Вятку. Расчету я получил два рубля.

Прошло лето, а осенью отец спросил меня: «Саша, что же ты думаешь делать?»

Что мог сказать я ему? Мне было смертельно жаль старика отца, всю жизнь свою трудовую положившего на нас, детей, и в особенности на меня – первенца, от которого ждали, что он будет инженером, доктором, генералом...

– Я пойду в солдаты, – сказал я, хотя не подлежал воинской повинности.

Отец был искренне рад. Меня отдали в солдаты, причем, так как я не выходил в объеме груди на четверть вершка, отложили прием на март следующего года. Затем канцелярия воинского начальника всосала меня своими безукоризненными жабрами, и я поехал среди других, таких же отсрочников, в город Пензу, через Челябинск и так далее.

Я прослужил в солдатах около года, в следующем, 1902 го-

ду, я убежал.

Моя служба прошла под знаком непрерывного и неистового бунта против насилия. Мечты отца о том, что дисциплина «сделает меня человеком», не сбылись. При малейшей попытке заставить меня чистить фельдфебелю сапоги, или посыпать опилками пол казармы (кстати сказать – очень чистой), или не в очередь дневалить я подымал такие скандалы, что не однажды ставился вопрос о дисциплинарных взысканиях. Рассердясь за что-то, фельдфебель ударил меня пряжкой ремня по плечу. Я немедленно пошел в околоток (врачебный пункт), и по моей жалобе этому фельдфебелю врач сделал выговор. На исповеди я сказал священнику, что «сомневаюсь в бытии бога», и мне назначили епитимию: ходить в церковь два раза в день, а священник, против таинства исповеди, сообщил о моих словах ротному командиру.

Командир был хороший человек, – пожилой, пьяница и жулик, кое-что брал из солдатского порционного, но он был хороший человек. Он скоро повесился на поясном ремне, когда его привлекли к суду.

Я был очень удивлен, когда взвод наш по приказанию ротного командира был выстроен в казарме и ротный произнес речь: «Братцы, вы знаете, что есть враги отечества и престола. Среди вас есть такие же. Опасайтесь их», – и так далее и грозно посматривал на меня. Но что в этом? Грустно мне было слушать эти слова.

Лагерные занятия прошли хорошо. Между прочим, я брал

из городской библиотеки книги. Однажды к моей постели подошел взводный, развернул том Шиллера и, играя ногами, зевая, грозно щурясь, ушел. Я был стрелком первого разряда. «Хороший ты стрелок, Гриневский, – говорил мне ротный, – а плохой ты солдат».

На меня напала куриная слепота, особый вид малокровия, при котором после захода солнца человек ничего не видит. К тому времени я познакомился с вольноопределяющимся Студенцовым, социалистом-революционером. Он не раз водил меня на конспиративную квартиру, где шли семинары и студенты давали мне читать «Солдатскую памятку» Л. Толстого и еще кое-что. Я был поражен новизной понятий. Все, что я знал о жизни, повернулось разоблаченно-таинственной стороной; энтузиазм мой был беспределен, и по первому предложению Студенцова я взял тысячу прокламаций, разбросав их во дворе казармы...

Однако надо сказать, что это дело было уже зимой, а летом, не стерпев «дисциплины», я бежал со службы при помощи того же Студенцова, давшего мне три рубля, штатскую фуражку и розовую ситцевую рубашку.

Куриная слепота меня чуть не подвела. Когда я вышел из лагеря, то в темноте забрался в чей-то свинарник, и свиньи подняли такой гвалт, что лишь наудачу, вслепую выбрался я через забор к речке. По пояс в воде перешел я ее, бросил на берегу свою шинель, казенную фуражку, ошупью переоделся, лег и стал ждать рассвета.

Впоследствии, когда меня искали, решили, что я утопился, всю речку обшарили, а я был уже далеко, – отшагал и проехал...